Когда Наруто вернулся в свою квартиру, было уже позднее утро. Узел в его нутре завязался тяжелым грузом, но он не беспокоится о том, что его поймают. Он прибрался, стер отпечатки пальцев, оставил все ключи на своих местах. Эта тяжесть - нечто постоянное, сингулярность в груди, вызывающая головокружение.

То, о чем он думает, - безумие.

Безумие.

Он никогда раньше не забирался так далеко от деревни.

Но он в отчаянии, и ему страшно.

Так страшно.

Детям, не сдавшим экзамен в академии, запрещено в одиночку выходить за черту города, а Наруто его провалил. Дважды.

Но слова Ируки все еще крутятся у него в голове. Вера, которой он не ожидал, дает ему надежду на то, что это может быть не так уж и невозможно, как кажется.

"Я думаю, это твоя Воля Огня".

Боль в животе все распространяется и распространяется по бокам, хотя интенсивность ее несколько уменьшилась. Когда он идет менять повязки, то обнаруживает, что почти вся марля съедена, а ткань представляет собой не более чем порошкообразный пепел, прижатый к коже последним слоем марли.

Он еще раз проверяет печать и обнаруживает, что дверь открыта.

Ужас поднимается в горле, как желчь, и он ныряет вниз.

Он открывает глаза, стоя по колено в грязи, но вместо того, чтобы быть злой и кипящей, она холодная и склизкая, густая, как грязь или смола. Пахнет ужасно, сернистым газом и гниющими тканями, но воздух больше не душит его, как не душит и горло. В помещении темно как никогда - единственный свет, похоже, исходит от самого Курамы. Из середины биджу исходит теплое красновато-золотистое сияние, мягкими вспышками расходящееся по конечностям и хвостам лиса. Оно ровное, медленное и приходит по два раза, как биение сердца.

Курама замирает, тело его неподвижно, как будто он находится за решеткой. Внутренний свет ослабевает, чем дальше, тем больше мерцает и гаснет на кончиках его хвостов и когтей.

Напротив, Наруто видит, как под рыжим мехом кицунэ проступают фиолетовые прожилки, придавая ему форму тлена. Наруто пробирается вперед и протягивает руку к биджу, проводя пальцами по шерсти на носу Курамы в знакомом жесте.

На глаза наворачиваются слезы, когда часть пышного пунцового меха, потемневшего до бордового, падает ему на ладонь.

"Курама?" умоляюще спрашивает он. "Ну же, глупый лис, проснись".

Но это бесполезно, Курама по-прежнему без сознания, его дыхание медленное и затрудненное, и Наруто снова остается один. Он трется лицом о мех чакры, по его лицу текут слезы. "Пожалуйста..."

Но как бы сильно он ни плакал, как бы ни умолял, глаза Кьюби остаются закрытыми. Наруто не знает, почему он решил, что может быть иначе: плач никогда ничего не решал для него, никогда не вызывал жалости. Поэтому, когда слезы иссякли, он просто сидит, безразличный к отвратительному ядовитому ощущению гнилой чакры вокруг него. Он держит руку на шерсти Курамы и позволяет другим эмоциям сменить отчаяние.

Он вызывает все воспоминания, какие только может, из всех уголков своего сознания.

Теплый нос на спине, подталкивающий его, чтобы он не упал.

Хвост, обвившийся вокруг него, утешающий и защищающий, когда ему рассказывают истории о могущественных существах, старых сражениях и семье, которую он никогда не знал.

Красные глаза, которые меняются от холодных и черствых до острых и озорных.

Мягкие поправки и неодобрительная ласка.

Намерение поднимается по позвоночнику Наруто, его челюсть сжимается, глаза вспыхивают алмазной твердостью, и он принимает решение.

Ему предстоит работа.

<>

Он просыпается от запаха дождя, проникающего через открытое окно. Он поднимается на ноги, стряхивает с себя усталость и идет проверять рюкзаки.

Ветер усиливается, когда он перекидывает старую сумку через плечо, и пальцы прохладного

ветра треплют его волосы. Он делает глубокий вдох, позволяя прохладе остудить легкие. Он всегда любил запах дождя.

Он оставляет записку для Ируки-сенсея на стойке. Он ненавидит врать своему учителю, но он вернется раньше, чем его можно будет пропустить.

Он надеется.

Снаружи мягкий моросящий дождь мочит землю и траву. Закат одновременно великолепен и опасен: валы насыщенного красного и пурпурного света набрасывают на темные тучи впереди красочное предупреждение.

Дождь, может быть, сейчас и слабый, но он не останется таким.

По запаху и ощущению ветра и воздуха Наруто знает, что грядущая буря будет сильной. Он чувствует это по заряду, который накапливается в атмосфере, по давлению на кожу, когда начинает падать дождь, по тишине, которая опустилась на обычно шумные леса.

И он направляется прямо в центр этого.

Он не знает, сможет ли он это сделать, не знает, получится ли у него при обычных обстоятельствах, тем более с этим чудовищным муссоном на горизонте.

Нет времени.

Нет выбора.

Дождь помогает скрыть его, когда он уворачивается от патрулей на пути к выходу из деревни. Лес за пределами Конохи темный и похожий на лабиринт, но глаза Наруто достаточно остры, чтобы прорезать непроглядную тьму.

Он создает печать концентрации и начинает мерцать телом, перепрыгивая с ветки на ветку. Он чувствует, как в воздухе сгущается напряжение, как тяжелеет атмосфера, и над головой разражается буря.

Всего за несколько минут он превращается из брызг в осколки, каждая капля режет, как иголки, жалит кожу и срывает листья с деревьев. Ветви шлепаются и волочатся по его рукам, кора деревьев становится скользкой и опасной. Он почти сразу теряет из виду тропу, по которой шел, но инстинктивно понимает, что путь лежит на восток.

Поэтому он прокладывает свой собственный.

Он подтягивает свою чакру к чакре Курамы. Сила биджуу пьянит и отравляет, но чакра остается чакрой, и если он смешает ее с достаточным количеством своей собственной, то сдержит настоящий кислотный ожог прогорклой энергии. Это помогает ему двигаться, а также вытягивает часть болезни из крови биджуу и замедляет процесс разложения. Он думает.

Надеется.

Время начинает сливаться. Шторм, словно живое существо, окружает его: шквалистый ветер и ливень, ослепительные молнии и раскаты грома. Его центральная чакра иссякает, и он хватается за все, что может использовать, пускает в ход чакру земли, потому что это первое, за что он может ухватиться. Ощущения совсем другие: дерево под ногами и руками гудит от его прикосновений, а сила рвется наружу по пустым каналам, растекается по конечностям и наполняет его неустрашимой силой. Ощущения почти те же, что и в первый раз, но теперь они более полные: грохочущая энергия превращает его кости из гранита в сталь.

Когда эта сила иссякает, он берет следующую, втягивая водную чакру вместо земной. Всплеск, мгновение, застывшее во времени, и дождь замирает на его коже, на мгновение защищая его от дальнейшего ливня, пока он мчится по организму, чтобы дать ему необходимую энергию. Кровь поет в его жилах, проходя через него.

Затем он втягивает в себя огонь и чувствует, как он обжигает его горло, вдыхая влажный воздух. Временное замешательство вызывают вспышки теплого света, которые он видит не синхронно с ударами молний, пока он не понимает, что буквально дышит огнем.

Когда огонь угасает, он притягивает к себе ветер и чувствует, как шторм вокруг него закручивается вокруг его ног и уносит его шаги дальше, чем он обычно способен.

Напоследок он приберег молнию - самую сильную из своих чакр, и из всех стихий она отвечает наиболее охотно. Она жжет его кожу и вены с такой силой, что счищает часть тлена, позволяя ему дышать сквозь жжение, поскольку электричество заменяет боль своей собственной. Дождь превращается в пар, едва коснувшись его кожи, его следы обугливаются, как от ударов молнии, а дыхание заряжается, как грозовое облако.

http://tl.rulate.ru/book/100795/3456608